

---

## ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

(щиты, шлемы, панцири)

С. А. ЕСАЯН

Памятники материальной культуры и изобразительного искусства древней Армении содержат разнообразный материал, относящийся к военному делу, развитие которого особенно ускоряется с разложением родовой общины, появлением крупных племенных союзов и классовых отношений.

Процесс развития военного дела и появление самых разнообразных видов вооружения на Армянском нагорье был ускорен также соседством могущественных государств древневосточного типа Передней и Малой Азии, которые, как увидим ниже, во многом повлияли на культуру племен, населяющих Армянское нагорье. Особенно большим числом и разнообразием предметов вооружения выделяются археологические комплексы урартского периода, когда создается регулярная армия, состоящая из хорошо оснащенной пехоты (легкой и тяжелой), колесниц, конницы и инженерных войск.

Необходимо указать, что основные виды наступательного, как и защитного, вооружения возникли задолго до появления союзов племен или классовых отношений. В настоящей статье мы рассматриваем только защитное вооружение доурартской и урартской Армении.

*Щиты.* Древнейшие типы щитов Армянского нагорья представлены на памятниках изобразительного искусства. Наиболее древним и интересным из этих памятников является бронзовый пояс из разрушенного в Степанаване погребения<sup>1</sup>. В центре пояса показано движение пешего строя. Впереди крупная фигура вождя или военачальника, держащего крупный продолговатый щит, который резко отличается от урартских полуцилиндрической формой, расширенной нижней частью и узким верхним краем (табл. I, рис. 8).

Форма щита и его крупные размеры позволяют предположить, что щит был покрыт кожей и бронзовыми (?) пластинами, которые украшали и укрепляли его.

---

<sup>1</sup> Материалы не опубликованы. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность А. О. Мнацаканяну за любезное разрешение пользоваться его материалами.

Вождя сопровождают семь фигур воинов, меньших по размеру, держащих в руках такие же щиты. На левом боку вождя изображен длинный меч с двусторонним лезвием. Воины вооружены копьями, которые они держат в высоко поднятых руках, как бы собираясь закинуть ими противника. В верхнем ряду изображены боевые колесницы со стоящими в них воинами (колеса имеют по восемь спиц) и грузовые двухколесные телеги типа лчашенских, отличающиеся лишь тем, что ось их проходит посередине кузова<sup>2</sup>. По всей вероятности, степанаванский пояс должен быть датирован X в. до н. э. Одним из датирующих элементов является изображенный на поясе щит, находящийся аналогии среди ассирийских щитов начала I тысячелетия, которые разделяются на два варианта<sup>3</sup>: первый представляет собой слегка вогнутый прямоугольный щит с одной ручкой в центре (табл. I, рис. 2). Вторым вариантом тождествен степанаванскому щиту, отличаясь лишь отсутствием суженности в центральной части (табл. I, рис. 1). Это просто вертикально срезанный цилиндр, борта которого в верхней части округлены. Конечно, наличие одного щита на поясе недостаточно для датировки, но имеется еще другой фактор — это колесницы, которые отличаются как от лчашенских, так и от урартских и занимают промежуточное положение, что заставляет нас предположить приблизительную датировку X в. до н. э.

Необходимо отметить, что щиты первого варианта рассматриваемого выше типа наблюдаются и в Армении. Так, на цилиндрической печати из Артика изображена однорядная колонна воинов, в левой руке которых просматриваются подобные щиты (табл. I, рис. 7)<sup>4</sup>. Печать из артицкого погребения, как и ряд других вещей этого могильника, может быть отнесена предварительно к XII—X вв. до н. э. Вслед за рассмотренными хронологически следуют щиты урартской эпохи, изображенные на бронзовых обивках Балаватских ворот (середина IX в. до н. э.), где дана сцена отступления войск Арама Урартского в горах Аддури и изображены воины, держащие малые щиты круглой формы с небольшими полями и выступающей серединной частью. Щиты держатся кистью руки за ручку, закрепленную с внутренней стороны<sup>5</sup> (табл. I, рис. 9).

В связи с этим интересно отметить, что фигура, стоящая на колеснице, изображенной на ахталинском бронзовом поясе, имеет в вытянутой руке круглый предмет, способ держания которого очень напоминает щиты у воинов Арама<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> Подобной формы грузовые телеги до сего времени в Армении не были представлены. См. С. Е с а я н, Из истории колесного транспорта древней Армении, «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, 1960, № 3, стр. 146.

<sup>3</sup> R. D. Barnett, W. Forman, Assirische Palastreliefs, Praga, Artia, табл. № 10—12, 90, 93, 103—114, 125, 168—169.

<sup>4</sup> Раскопки Т. С. Хачатряна. Материалы не опубликованы.

<sup>5</sup> Billerbeck Ad. und Frd. Delfzsch, Die Palasttore Salmanassars II aus Balawat. Beitrage, Leipzig, 1909, табл. 6, полоса 1.

<sup>6</sup> J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, I, Paris, 1889, фиг. 145.

Такой способ применения щитов сближает их с изображением хеттского щита из Зенджирли (IX в. до н. э.), несколько отличающийся от урартского по форме. Хеттские щиты вытянуты и сужены в центре, напоминающая цифру 8 (табл. I, рис. 3). Способ ношения тот, что и щитов Балаватских ворот<sup>7</sup>.

Однако уже в эпоху Аргишти I урартские щиты отличаются гораздо большим диаметром и по своей форме и способу применения становятся близкими к ассирийским (табл. I, рис. 4)<sup>8</sup>. Рассмотрение щитов указанной эпохи позволяет обнаружить еще два новых типа, которые полностью находят аналогии среди ассирийских. Отсутствует третий тип щита, не представленный среди находок и в изобразительных памятниках, но, по всей вероятности, использовавшийся и на Армянском нагорье, что будет рассмотрено ниже, при разборе материала.

*Первый тип* представлен найденным в 1951 г. нами при раскопках помещения № 34 Кармир-блур замечательным щитом, изготовленным, судя по надписи, для города Эрбуну, царем Аргишти, сыном Менуа (рис. 1)<sup>9</sup>.

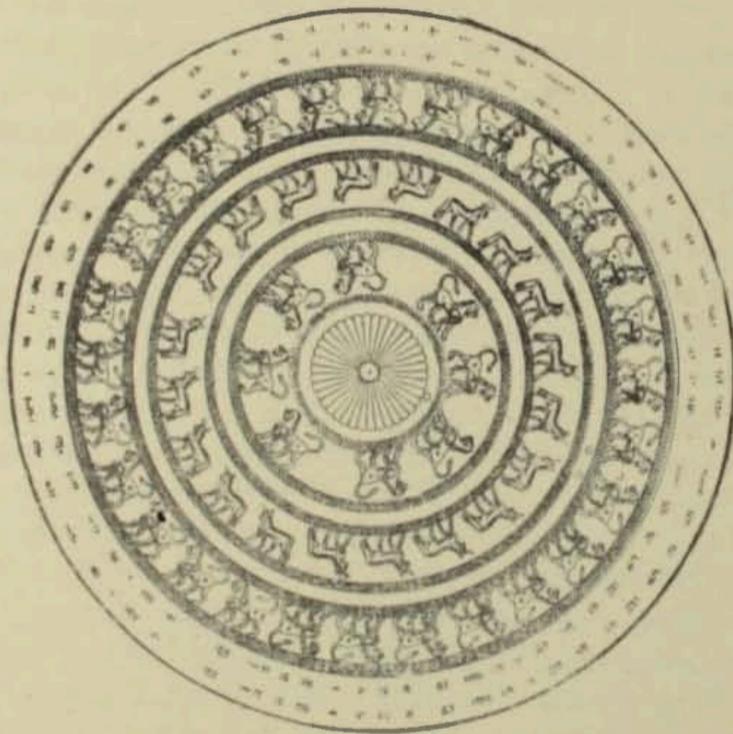


Рис. 1. Щит с надписью Аргишти (Кармир-блур)

Щит, имеющий характерную форму, напоминает шляпу с полями. Средняя часть щита представляет конический выступ на низком барабане. Диаметр щита — 72 см, ширина бортов — 7 см, высота изогнутого края борта — 4 см, диаметр барабана — 59 см, высота барабана — 3,5 см, высо-

<sup>7</sup> John Garstang. The land of the Hittites, London, 1910, табл. I.XXV (2).

<sup>8</sup> С. М. Бацнева, Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию, «Вестник древней истории» (В. Д. И.), 1953, 2, стр. 26—27.

<sup>9</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

та конуса с барабаном — 19 см, толщина листа — 2 мм. С внутренней стороны барабана прикреплены три ручки, служившие для вдевания на руку, в чем и состоит его отличие от ранних урартских щитов, которые, как было указано выше, держались кистью. Крупная ручка помещена в верхней части щита и заклепана тремя гвоздями, с наружной стороны имеющими полушаровидную форму. Две меньшие ручки расположены в левой и правой частях щита и заклепаны двумя гвоздями. Указанные малые ручки, по всей вероятности, соединялись ремнем, вдевавшимся на локоть, а большая ручка захватывалась кистью, что давало возможность свободного оперирования щитом. Средняя конусообразная часть украшена изображениями львов и быков, размещенными в трех концентрических полосах, разделенных орнаментом в виде бутонов, связанных полукругиями. Во внешней полосе размещено 28 изображений львов, в средней — 20 изображений быков, а в полосе, примыкающей к центру — всего 8 изображений львов. Центральная часть щита занята 38-лепестковой розеткой.

Второй щит подобной формы, также украшенный изображениями львов и быков, обнаружен в 1953 г. в помещении А Кармир-блур и относится, по имеющейся надписи, к Сардури II<sup>10</sup>. Диаметр щита — 74 см, ширина бортов — 7,7 см, высота изогнутого края борта — 4 см, диаметр барабана — 58,6 см, высота барабана — 3,5 см, высота конуса вместе с барабаном — 23 см. Внутреннее пространство первого пояса — 6 см, второго пояса — 5,7 см, третьего — 6 см. Ширина бутона — 1,3 см, пространство между полосами — 3 см, верхний круг (без розетки) — 9 см, толщина листа — 2 мм. Количество фигур животных на щите меньше. Здесь во внешней полосе фигуры львов меньше на четыре, в средней — на четыре фигуры быка, а в верхней — на два изображения льва. Центральная розетка отсутствует. Полосы, отделяющие фигуры, составлены из такого же орнамента. Однако фигуры животных на щите Сардури выполнены лучше. При раскопках Кармир-блур обнаружены, кроме двух указанных, еще 12 щитов. Все они по своей конструкции аналогичны рассмотренным выше, имеют ту же форму и отличаются лишь отсутствием орнамента; диаметр их колеблется от 0,7 до 1 м. Все они — VIII в. до н. э. и, судя по посвяительным надписям, семь щитов относятся к Аргишти I, три щита — Сардури II, один щит — Русы I; остальные три без надписи (табл. I, рис. 10)<sup>11</sup>.

Урартские щиты подобной формы найдены и на Топрах-кале в 1880 г. Рассамом и Э. Клейтеном, а позже (случайные находки) с надписями, содержащими имена Русы, сына Аргишти и Русы, сына Эримены, причем на обломке щита Русы, сына Эримены, имеется орнамент, аналогичный орнаменту описанного выше щита Аргишти I, а розетка указанного щита повторяется на щите из Британского музея<sup>12</sup>. Щиты подобной формы имеются на многочисленных изображениях, относящихся к замечательным памятникам изобразительного искусства Ассирии и Урарту.

<sup>10</sup> Там же, стр. 29, 30.

<sup>11</sup> Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 168; Кармир-блур, III, стр. 26

<sup>12</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 27, 28

На одном из рельефов дворца Саргона воспроизведена сцена разгромления Мусасирского храма, фасад которого украшен щитами, по форме совершенно сходной со щитами из Кармир-блур и Вана. Здесь наблюдается та же сильно выдающаяся средняя часть и широкий борт. Урартские щиты рассматриваемого типа имеются на многочисленных изображениях на шлемах и колчанах из Кармир-блур и на обломках бронзовых поясов из Нор-Ареша (Ереван)<sup>13</sup>. Здесь также наблюдается выдающаяся средняя часть и широкие борта. Щит подобной формы имеется на руке всадника, изображенного на цоколе дворца-храма Тель-Алафа (VI до н. э.)<sup>14</sup>.

*Второй тип* щитов представлен боевыми образцами, обнаруженными на Кармир-блуре. Сами щиты до нас не дошли, однако при раскопках найдены бронзовые умбоны из листовой бронзы конической формы, нижний конец которой слегка отогнут и имеет многочисленные мелкие отверстия, через которые умбоны забивались гвоздями к щиту. Высота умбона — 15 см, диаметр наибольший — 15 см, наименьший — 12 см. Толщина листа — 1 мм (табл. I, рис. 11).

Три подобных умбона были найдены в 1945 г. в жилище, расположенном во дворе, у северо-западной угловой башни цитадели; на двух содержались надписи, читаемые как «сын Менуа». Шесть умбонов были обнаружены в карасе № 55 кладовой № 28. На умбонах были изображения голов быков, а на одном птицы. На пяти из них были помещены надписи с именами Аргишти, сына Менуа, и Сардурги, сына Аргишти; один умбон надписи не имел<sup>15</sup>.

В тексте луврской таблички рассказывается, что в Мусасире, в храме бога Халди, были захвачены шесть золотых массивных щитов с умбонами, имеющими форму собачьих голов с оскаленными пастьями, и двенадцать щитов из серебра с умбонами в виде голов дракона, льва и тура<sup>16</sup>.

Подобные щиты были, по всей вероятности, широко распространены. Судя по ассирийским аналогиям, эти щиты были круглой формы и в центре имели большую ручку, захватываемую кистью. По всей вероятности, в верхней части они имели ременное закрепление для вдевания на локоть, что мы замечаем на бронзовых щитах из Кармир-блур, но, к сожалению, на изображениях их прикрывают фигуры воинов (табл. I, рис. 5)<sup>17</sup>.

<sup>13</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 66—67; 2. *Մարտիրոսյան, Ն. Մաթաթյանյան, Նոր-Արեշի պարսակախան կոթողարանը*, «Известия» АН Арм. ССР, 1958, № 10, рис. 2, табл. 4—6.

<sup>14</sup> Helmut T. H. Bossert, *Altsyrien*, Tübingen, 1951, табл. 481.

<sup>15</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 24, Кармир-блур, II, стр. 39, 63.

<sup>16</sup> И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, (АВИИУ), В. Д. И., 1951, 2—4, § 49 (352 и сл.), 51; Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 168—169.

<sup>17</sup> Bruno Meissner und Dietrich Opitz, *Studien zum Bit Helant in Nordpalast Asurbanaplis zu Ninive*, *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1939, № 18, Berlin, 1940, табл. IV.

Умбон, совершенно идентичный кармир-блурским, имеется в такой отдаленной аналогии, как на щите статуэтки, обнаруженной III шведской экспедицией на острове Кипр и датируемый II архаическим периодом (табл. I, рис. 6)<sup>18</sup>.

*Шлемы.* На бронзовых моделях колесниц богатых лчашенских погребений представлены стоящие на кузове воины, которые носят шлемы, представляющие собою древнейший тип на территории Армении<sup>19</sup>. Эти шлемы делятся на два варианта, хотя и относятся к одному типу. Оба варианта имеют форму полукруглой каски с гребнем. На первых шлемах гребень находится прямо в центре каски и, имея форму высокого полукруга с двух сторон, охватывает каску (табл. II, рис. 7—8). Два других шлема имеют такую же форму, отличаясь от первых лишь гребнем, причем и здесь сами гребни также несколько отличаются друг от друга. На первом из них гребень высокий, плоский и выступает над каской под углом (табл. II, 10). Тыльная сторона гребня более узкая и длинная, вследствие чего она несколько нависает над каской. Другой, более узкий, гребень несколько округлен спереди. По своей форме он занимает промежуточное положение между гребнями двух вариантов (табл. II, рис. 9). Приведенные выше первые шлемы имеют некоторую аналогию с хеттским шлемом из Богазкёя (XIV в. до н. э.)<sup>20</sup>, хотя и несколько отличается от него. Хеттский шлем имеет более вытянутую форму, вследствие чего гребень охватывает головку шлема с двух сторон и имеет ниспадающие перья (табл. II, рис. 1). Более близкая аналогия второго шлема выступает в Кархемыше (VIII в. до н. э.)<sup>21</sup>, но отличается от лчашенского несколько более высоким гребнем и оперением, что позволяет предположить более раннее бытование шлемов кархемышского типа, хотя они не дошли до нас (табл. II, рис. 2). Это предположение кажется нам тем более вероятным, что раннеурартские шлемы по форме гребня более близки к лчашенскому и кархемышскому, нежели богазкейскому. Ранние урартские шлемы известны нам по изображениям на Балаватских воротах (табл. II, рис. 11)<sup>22</sup>. Это — шлемы воинов Арама, имеющие форму вытянутой каски. Узкий полукруглый гребень шлема вытянут книзу и завершается округлым выступом, в то время как на лчашенском и кархемышском шлемах гребень находится в центре каски, с небольшим уклоном вперед.

При рассмотрении процесса развития вооружения, в том числе и шлемов, замечается, что вооружение племен Армянского нагорья VIII в. до н. э. становится близким к ассирийскому, хотя и имеет свои особенности (табл. II, рис. 5—6, 12). Этот процесс четко наблюдается и в

<sup>18</sup> Helmut T. H. Bossert, указ. соч., табл. 148.

<sup>19</sup> А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году, «Советская археология» (С. А.), 1957, № 2, стр. 150, е го ж е, Древние повозки из курганов бронзового века на побережье озера Севан, С. А., 1960, № 2, стр. 142—143.

<sup>20</sup> H. Bonnet, Die Waffen der Völker des Alten Orients, Lpz., 1926, рис. 102a.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Billerbeck Ad. und Frd. Delitzsch, указ. соч., табл. С, полоса I.

развитии шлемов. Урартские шлемы второго периода известны нам по многочисленным находкам на Кармир-блуре, а также по изображениям на шлемах, колчанах из Кармир-блур и на обломках бронзовых поясов из урартского колумбария Нор-Ареша (Ереван)<sup>23</sup>. Рассмотренные шлемы по своей форме очень близки к ассирийским и представляют собой остроконечный шишак (табл. II, рис. 4). На Кармир-блуре найдено 20 шлемов подобной формы. Четыре шлема имеют надписи, содержащие имена Аргишти I и Сардури II и являются замечательными памятниками урартского искусства. Высота шлема Аргишти — 29,5 см, высота поля с изображениями — 8 см, наибольший диаметр — 25,5 см, наименьший — 14 см. Лобная часть их украшена 11 изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами; у пяти деревьев расположены фигуры безбородых божеств в длинном одеянии, в головных уборах с рогами, с ведром в левой руке и священным плодом в правой. У других шести деревьев помещены подобные же божества, но имеющие бороду и крылья, что сближает их, судя по иконографическим изображениям, с ассирийскими керубами. Священные деревья на лобной части обрамлены восемью фигурами змей с львиными головами, осклизшими пасти. Височная и затылочная части шлема украшены изображениями восьми урартских боевых колесниц и десяти всадников<sup>24</sup>. Интересно отметить, что всадники и колесничие, изображенные на шлемах, носят такие же шлемы, на котором они изображены. Кроме указанных шлемов с изображениями священных деревьев и колесниц, на Кармир-блуре обнаружены и шлемы, лобовая часть которых украшена эмблемой четырехзубца (отдаленно напоминающего голову лося или оленя), в котором Б. Б. Пиотровский видит перун бога громовика Тейшебы. Диаметр указанного шлема — 23,5 × 19 см, высота — 31 см, высота головной части — 8 см. Нижние горизонтальные полосы проходят в 1 см от края, ширина полос — 2 см, пространство полей между полосами — 4 мм. Длина центральной линии четырехзубца — 29 см, длина боковых линий — 7,5 см. Длина основания четырехзубца — 15 см, ширина основания — 1,5 см. Высота нижнего отростка — 3 см, ширина — 1,5 см. Высота боковых отростков основания четырехзубца — 2,2 см. Толщина стенок двух шлемов колеблется от 1 до 1,5 см. По нижнему краю кармир-блурского шлема проходят четыре горизонтальных выпуклых линии. Ассирийский шлем рассматриваемого типа был обнаружен в Фивах<sup>25</sup>. Изображения подобных шлемов в большом количестве имеются на ассирийских рельефах из дворца Ашурнасирапа II<sup>26</sup>.

<sup>23</sup> Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 167; е го ж е, Кармир-блур, I, стр. 66–67; *Հ. Մարտիրոսյան, Հ. Մանգուշյան*, указ. соч., рис. 2, табл. 4–6.

<sup>24</sup> Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 167.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> R. D. Barnett, W. Forman, указ. соч., табл. 10–12, 90, 93, 109–114, 125, 168–169.

Очень близок к кармир-блурским шлем из Галиатского могильника в Фаскау<sup>27</sup>, который был грубо склепан из листовой меди (высота — 31 см) и представлял собой остроконечник без какой-либо орнаментации. Б. С. Рабинович шлем из Фаскау считает местного производства, однако рассматривает его как продукт культурных связей между Северным Кавказом и Передней Азией<sup>28</sup>. Подобный шлем с надписью Аргишти имеется в Берлинском музее, поступивший туда с Северного Кавказа, с Терской области, из Ручи Тига. В указанной местности сконцентрированы погребальные поля с инвентарем типа Фаскау<sup>29</sup>. Фрагмент подобного шлема обнаружен в Абхазии (в селе Приморском)<sup>30</sup>. Аналогичного типа шлем обнаружен и в Триалети, могильнике у дороги Бешташен-Сафар-Хараба, изготовленный из бронзы и имеющий коническую форму. Б. А. Куфтин отмечает сходство шлемов из Фаскау и Абхазии и указывает, что триалетский отличается лишь присутствием боковых отростков, служивших наушниками<sup>31</sup>. Бронзовый шлем имеется и из могильника Верхняя Рутха, причем шлем украшен знаком, аналогичным знаку на кармир-блурском шлеме, обнаруженном в 1953 г.<sup>32</sup> Бронзовые шлемы были найдены и в I Арчадзорском кургане<sup>33</sup>. Необходимо отметить, что часть упомянутых выше шлемов Закавказья и Северного Кавказа имеет несомненно урартское происхождение, другая часть изготовлена, вероятно, на месте, под влиянием урартских или переднеазиатских образцов.

Кроме бронзовых шлемов, в гораздо большем количестве на Армянском нагорье, как и на всем древнем Востоке, использовались, по всей вероятности, и войлочные шлемы<sup>34</sup>. Так, урартские послы, изображенные на рельефах Ашурбанипала, носили мягкие шапочки, которые обнаруживают большое сходство с теми, какие носят армены, изображенные на ахеменидских рельефах<sup>35</sup>. Подобные шлемы-шапочки имеются на головах воинов, изображенных на вышеуказанной арктической печати. Аналогичная шапочка имеется и на рельефе из Тель-Алафа<sup>36</sup>.

<sup>27</sup> П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, «Материалы по археологии Кавказа», V, 1909, стр. 276, рис. 211; П. П. Семенов, Шлемы из Северной Осетии, КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 61.

<sup>28</sup> Б. С. Рабинович, Шлем скифского периода, Гос. Эрмитаж, Труды Отдела истории первобытной культуры, т. I, стр. 104.

<sup>29</sup> W. Nagel, Урартский шлем из складского помещения Аргишти (на немец. яз.), отдельный оттиск из Aeghintiürigentforschung, т. XIX, Берлин.

<sup>30</sup> Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 140, табл. X; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

<sup>31</sup> Б. А. Куфтин, Археологические раскопки Триалети, I, стр. 68, табл. X; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

<sup>32</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 26.

<sup>33</sup> «Отчеты Археологической комиссии (ОАК) за 1894 год», стр. 18; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, стр. 58.

<sup>34</sup> P. E. Votta, Monument de Ninive, tome II, Paris Imprimerie nationale MDCCC XLIX, табл. 160.

<sup>35</sup> Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 130.

<sup>36</sup> Helmut T. H. Bossert, указ. соч., табл. 481.

В связи с применением шлемов считаем необходимым заметить следующее. На многих ассирийских изображениях воины, особенно легковооруженные лучники, используют другого вида защитное снаряжение, заменяющее шлем. Это налобные бронзовые повязки-пластины (диадемы), пришитые на ремень или войлок<sup>37</sup>. Такой способ защиты головы вполне закономерно мог возникнуть от перевязывания волос, а затем служить и для предохранения головы. На ассирийских изображениях указанные пластины охватывают лоб и чуть выступают над головой под углом, что при попадании вызвало бы скольжение, ослабляя этим удар. Необходимо указать, что подобные пластины имеются в могильных инвентарях Армении конца II и начала I тысячелетия до н. э. Эти пластины были обнаружены Е. Лалаяном в Камо (бывш. Баязет) и имеют длину до 40 см; ширина их в средней части доходит до 4—4,5 см, в конце — 1—2 см. Нижние концы их завернуты в трубочку или имеют отверстие, что дает возможность привязать их на затылке<sup>38</sup>. Подобные налобные пластины обнаружены А. О. Мнацаканяном в Золакаре и Астхадзорском могильнике, инвентарь которого состоит, в основном, из предметов вооружения<sup>39</sup>. Астхадзорская налобная пластина имеет длину 36 см, ширину в центре — 3,5 см, по краям — 1 см. Особый интерес вызывает обнаружение подобных пластин в лчашенских курганах<sup>40</sup>. Лчашенские пластины сильно фрагментированы; длина их доходит до 40—45 см, ширина по всей длине — 4 см. Вместе с пластинами раскопаны полые конусообразные трубочки (с каждой пластиной две трубочки), широкий конец которых имел диаметр 3 см, узкий — 1 см. В верхней широкой части имеются отверстия, через которые трубочки подвешивались у висков. Налобные пластины были обнаружены и А. А. Мартиросяном в Норадузе и Гегароте<sup>41</sup>, а также Ресслером, близ Елендорфа<sup>42</sup>.

*Панцирь.* Находки панцирей из раскопок на территории Армении относятся к XIII—XII вв. до н. э. Ранняя форма панцирей обнаружена в Лчашене, где при раскопках обнаружено большое количество бляшек и пуговиц различной величины<sup>43</sup>. Эти бляшки пришивались, по всей вероятности, к одежде и конской попоне. Иногда они пришивались также к специальной панцирной рубахе. Так, в одном случае рядом со скелетом были обнаружены бронзовые пуговицы разной величины и в прогнившем слое наблюдались совершенно истлевшие остатки кожи или ткани<sup>44</sup>. И бляхи и пуговицы имеют одну и ту же выпуклую форму; они полые внутри, с одним перекинутым стерженьком для пришивания. Аналогичные пуговицы

<sup>37</sup> P. E. Votta, указ. соч., табл. 99, 124—145.

<sup>38</sup> Инвентарь Гос. музея Армении (ГМА), 20/20, 20/63, 63/1, 63/2, 20/66а, 20/18.

<sup>39</sup> Там же, 1938, 1908/75.

<sup>40</sup> Раскопки А. О. Мнацаканяна. Материалы не опубликованы. Инвентарь ГМА, 2009/544, 2049/95, 96, 313.

<sup>41</sup> Материалы не опубликованы.

<sup>42</sup> ОАК, 1889 г., стр. 73.

<sup>43</sup> Раскопки А. О. Мнацаканяна. Материалы не опубликованы.

<sup>44</sup> Устное сообщение А. О. Мнацаканяна.

с остатками кожаной основы были обнаружены в Артике<sup>45</sup>. Таким образом, можно предположить, что наиболее ранние типы панциря на Армянском нагорье были кожаные или матерчатые, причем в отдельных случаях на панцири пришивались бронзовые пуговицы и бляхи для усиления непробиваемости и для украшения, образуя латы. Подобного типа латы получили свое развитие и продолжали бытовать на Армянском нагорье и в I тысячелетии до н. э. Так, в указанную эпоху на панцирной рубахе, кроме пуговиц и бляшек, нашивались дисковидные пластины. Подобного типа латы были обнаружены А. О. Мнацаканяном в 1950 г. в Головино (рис. 2)<sup>46</sup>. Латы состояли из кожаной или витых веревок основы в виде

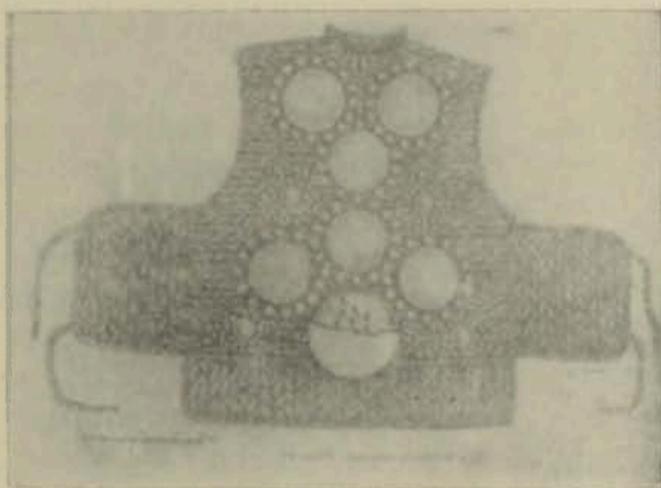


Рис. 2. Паиширь из Головино

нагрудника, перевязанного на спине (т. е. латы защищали только грудь), и на котором были пришиты разной величины круглые, чуть выпуклые бронзовые пуговицы и диски, на части живота имелся деревянный диск с набитыми гвоздями. Остатки подобного типа лат в незначительном количестве обнаружены в разновременных погребениях Закавказья. Круглые диски были обнаружены Б. А. Куфтиным в погребении древнебронзовой эпохи у Параванского озера<sup>47</sup>. Фрагменты круглой формы выпуклых дисков и пуговиц были найдены А. А. Ивановским в Кедабеке<sup>48</sup> и Ресслером в Гюльдиг-даге<sup>49</sup>. Диски несколько иной формы, с тупыми зубцами, были обнаружены в селе Доланлар (Азербайджанская ССР)<sup>50</sup>. Пластины панциря были обнаружены также Я. М. Гуммелем в погребальном кургане

<sup>45</sup> Раскопки Т. С. Хачатряна. Материалы не опубликованы.

<sup>46</sup> А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников в Головино, Труды Гос. музея Армении, т. V, стр. 32—38.

<sup>47</sup> Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 101, табл. СХV.

<sup>48</sup> А. А. Ивановский, По Закавказью, «Материалы по археологии Кавказа», VI, табл. VIII, рис. 14—18.

<sup>49</sup> ОАК, 1889 г., стр. 73, рис. 149.

<sup>50</sup> Н. В. Минкевич-Мустафаева, Об археологических находках из села Доланлар, «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, стр. 61, т. IV, рис. 9.

№ 1<sup>51</sup> и опубликованы как умбоны от щитов. Части лат, обшитых одними бляхами и пуговицами, были обнаружены в Дилижане<sup>52</sup>.

Наряду с вышеуказанным латами под влиянием ассирийской военной культуры появляется новый тип панцирей — это чешуйчатые панцири, обнаруженные на Кармир-блуре<sup>53</sup>. Остатки такого бронзового панциря были впервые найдены в 1951 г. в помещении А. Обнаруженные здесь бронзовые однотипные пластины имели длину 3 см, ширину — 1,5 см. Нижний край их был закруглен, в верхнем имелись три отверстия для пришивания.

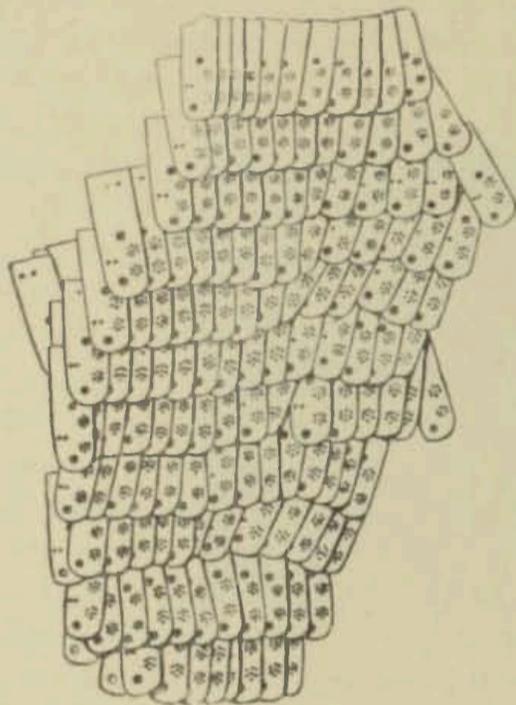


Рис. 3. Бронзовый пластинчатый панцирь. На относящейся к нему пуговице надпись Аргишти I.

При такой конструкции пластины верхнего ряда прикрывали швы нижнего. В 1952 г. в помещении 36 был обнаружен замечательный бронзовый панцирь в собранном виде, что дает полное представление о расположении чешуек (рис. 3). Так, на местах изгибов были пришиты чешуйки меньшего размера, чем на гладкой поверхности. Пластины были украшены розетками, образованными из семи точек. Пластины состояли из девяти типов, причем некоторые представлены единичными экземплярами. Основной тип имеет в длину 5,2 см при ширине 1,7—1,9 см и толщине 0,1 см. В верхней части имеются два отверстия, смещенных несколько вправо. На средней вертикальной оси пластины, немного ниже середины, расположено большое отверстие. Несколько ниже, вправо, расположено такое же отверстие, а между ними у левого края имеются еще два небольших отверстия. Подобное расположение отверстий указывает на то, что пластины не нашивались на основу, а составляли панцирную рубашу из скрепленных между собой пластин<sup>54</sup>. По реконструкции В. С. Сорокина линии крепления панциря проходили исключительно в горизонтальном направлении, соответственно четырем рядам каждая. Каждая пластина скреплялась с другими в четырех местах. Однако посредством малых верхних отверстий она скреплялась с соответствующей пластиной выше расположенного ряда, через ее большое отверстие в средней части. Это крепление создавало связанность рядов панциря. Нижняя же

При такой конструкции пластины верхнего ряда прикрывали швы нижнего. В 1952 г. в помещении 36 был обнаружен замечательный бронзовый панцирь в собранном виде, что дает полное представление о расположении чешуек (рис. 3). Так, на местах изгибов были пришиты чешуйки меньшего размера, чем на гладкой поверхности. Пластины были украшены розетками, образованными из семи точек. Пластины состояли из девяти типов, причем некоторые представлены единичными экземплярами. Основной тип имеет в длину 5,2 см при ширине 1,7—1,9 см и толщине 0,1 см. В верхней части имеются два отверстия, смещен-

<sup>51</sup> Я. М. Гуммель, Погребальный курган № 1, около Елендорфа, табл. VI.

<sup>52</sup> Л. Л. Карапетян, А. И. Шагинян, Археологические находки в Дилижане. «Известия» АН Арм. ССР, 1961, № 12, рис. 1.

<sup>53</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 30—36.

<sup>54</sup> Там же, стр. 32.

пара отверстий, так же как и нижнее большое отверстие служила скреплению пластин между собой в горизонтальных рядах. Таким образом, пластины каждого горизонтального ряда скреплялись между собой в трех местах, что создавало прочность крепления, не нарушая его гибкости<sup>55</sup>. Вместе с панцирем сохранилась бронзовая пуговица с надписью Аргишти I: 1) «Богу Халди, владыке, 2) Этот панцирь Аргишти подарил». На обратной стороне пуговицы краткий текст: «(царя) Аргишти», что уточняет датировку этой замечательной находки. Под пластинами была обнаружена рубаха из шерстяной ткани (войлока) (?), которая, очевидно, надевалась под панцирем для усиления его непробиваемости, а также для уменьшения боли при попадании. Очевидно, такие рубахи как правило, одевались под панцирями, так же как под шлемами надевались войлочные шапочки. Бронзовые пластины чешуйчатого панциря обнаружены и в Севанском бассейне (инв. ГМА, 20/60). Указанные пластины (числом 23) делятся на три типа. Первая — прямоугольная пластина (длина — 7,7 см, ширина — 2,3 см) с округленной верхней частью. В центре верхней части имеются два вертикально расположенных отверстия; два других отверстия горизонтально расположены под ними с правой стороны пластины. Второй тип имеет такую же форму и отличается лишь размером и расположением отверстий (длина — 5 см, ширина — 3,3 см). Два отверстия вертикально расположены в верхней части, два других отверстия горизонтально расположены в центре пластины с правой стороны и два отверстия также горизонтально расположены внизу с левой стороны пластины. В центре двух указанного типа пластин расположены выпуклые выступы (на первой длина — 2,5 см, ширина — 0,5 см, на второй длина — 1 см, ширина — 0,3 см). Несколько отличается по своей форме третий тип. Это прямоугольная пластина, верхняя часть которой имеет конусообразную форму (длина — 7,7 см, ширина — 3,2 см). В верхней части (по длине конуса) по оси пластинок проходит выпуклый выступ (длина — 3,7 см, ширина — 0,3 см). В нижней части выпуклого выступа расположены четыре отверстия по два с каждой стороны. Три других отверстия расположены в центре отверстия по два с каждой стороны. Три других отверстия расположены в центре пластины на расстоянии 1,5 см от нижнего края. Подобное расположение отверстий указывает, что пластины, так же как и на кармир-блурском панцире, не нашивались на основу, а составляли панцирную рубаху из скрепленных между собой пластинок.

Кроме указанных бронзовых панцирей, на Кармир-блуре в 1953 г. были найдены и железные пластины от двух панцирей. В помещении 38 было обнаружено 159 пластин с тремя отверстиями в верхней части, помещенными в ряд (длина — 3 см, ширина — 1,8 см) и 13 более крупных пластин (длина — 4,8 см, ширина — 2,2 см), которые, кроме трех отверстий вверху, имели еще по одному отверстию в правой части, немного ниже середины чешуйки. Пластины второго железного панциря были обнаружены в помещении 40 и несколько отличаются от описанных. Было со-

<sup>55</sup> Там же, стр. 32—35.

брано 150 малых пластин (длина — 3 см, ширина — 1,8 см), а более крупных (длина — 5,5 см, ширина — 2 см) оказалось 20, причем они имели только три отверстия, помещенные в средней части пластины<sup>56</sup>. Такие панцири были широко распространены на древнем Востоке. Ассирийские воины, изображенные на рельефах, носят короткие панцири без рукавов<sup>57</sup>. Подобные панцири готовились из металла или кожи<sup>58</sup>. Бронзовые и железные панцирные пластины, иногда обтянутые золотом, обнаружены в Персеполе и в верхней части имели отверстия для нашивания<sup>59</sup>. Имеется образец подобного египетского панциря, относящегося ко времени фараона Шешонка (941—920 гг. до н. э.)<sup>60</sup>. Железные панцири имеют аналогии со скифскими. Ранние скифские панцири (конец VII— начало VI вв. до н. э.) составлялись из бронзовых пластин, имеющих два или три отверстия (Жаботино, Смела). Наряду с бронзовыми панцирями у скифов широко были распространены железные, которые с V в. становятся основным типом<sup>61</sup>. По всей вероятности, на развитие скифских панцирей оказывали большое влияние и урартские панцири. Наряду с панцирями как защитное вооружение широко применялись бронзовые и кожаные пояса, что подчеркивается почти на всех древневосточных изображениях. Таким образом, как видно из вышесказанного, на Армянском нагорье применялось два типа панцирей.

*Первый тип* — латы, состоящие из кожаной или матерчатой основы, обшитой пуговицами, бляхами и дисковидными пластинами. Подобные латы, судя по находкам Б. А. Куфтина у Параванского озера в Закавказье (и в Армении), применялись еще с древнебронзовой эпохи. Находки ранних лат в Армении относятся к XIII в. до н. э. (Лчашен). Обнаруженный здесь тип лат, обшитых пуговицами, существовал и впоследствии (Артик, XII—XI вв. до н. э., Дилижан, VIII—VII вв. до н. э.). Одновременно с ними бытовали латы более сложные. С начала I тысячелетия до н. э. появляются чешуйчатые панцири, характерные для древневосточного вооружения указанной эпохи. Однако, по всей вероятности, чешуйчатые панцири использовались лишь привилегированными слоями урартской армии. Простые воины урартской армии и воины племен, населявших Армянское нагорье, носили кожаные и матерчатые латы. Замечательно орнаментированные бронзовые пояса, известные из многих могильников Армении и Закавказья (Лчашен, Степанаван, Ахтала, Карабах и др.), име-

<sup>56</sup> Там же, стр. 35—36

<sup>57</sup> Р. Е. Вольф, указ. соч., т. I, табл. 34, 39, 145; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 30.

<sup>58</sup> Н. Bonet, Die Waffen der Völker des alten Orients, 1949, стр. 209; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 30.

<sup>59</sup> E. F. Schmidt, The treasury of Persepolis. Oriental Institute; Communications № 21, Chicago, 1939, стр. 40, рис. 27; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур III, стр. 30.

<sup>60</sup> W. M. Flinders Petrie, Tools and weapons, 1917, стр. 38, табл. XLII; Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 30

<sup>61</sup> Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 36.

ли, по всей вероятности, не столько защитное, сколько ритуальное значение. В основном, воины применяли для защиты кожаные пояса.

Из приведенного выше можно прийти к следующему заключению. Начиная с конца III тысячелетия до н. э. в связи с появлением и распространением кинжалов появляется насущная необходимость защитного вооружения. Наиболее ранними видами его являются латы, известные в Закавказье с древнебронзовой эпохи (Триалети), служившие для защиты груди и живота воинов. Исходя из конструкции более поздних панцирей рассматриваемого типа (Головино), латы защищали воина только спереди, что говорит о том, что бои велись группами или парными схватками и отсутствовали регулярные формы ведения боя. С развитием племенных союзов и появлением дружин племенных вождей появляются новые формы ведения боя; появляются ряды, легкая и тяжелая пехота, колесницы и конница. В связи с новыми формами ведения боя появляется потребность и в новом защитном вооружении — шлемах и щитах.

При рассмотрении щитов с Армянского нагорья мы замечаем, что наиболее ранние (XI—X вв. до н. э., Степанаван, Артик) указывают на связь с ассирийскими образцами. Раннеурартские щиты по способу применения сближаются с хеттскими, хотя по форме они также близки к ассирийским. Таким образом, в памятниках Армянского нагорья наблюдается четыре типа щитов, применявшихся в Ассирии и у хеттов (в виде срезанного цилиндра — Степанаван, прямоугольные, несколько вогнутые — Артик, в виде шляпы с отогнутыми полями — Кармир-блур и другие, и вышеуказанные памятники VIII в. до н. э., а также щиты с умбонами). Отсутствует лишь пятый тип ассирийских щитов — это плетеные щиты выше человеческого роста с загнутым верхом, использовавшиеся, в основном, при осаде крепостей. По всей вероятности, и эти щиты имелись в Урарту, так как общность военной техники позволяет предположить, что и урарты при осаде крепостей могли применять подобные щиты.

При рассмотрении процесса развития шлемов на Армянском нагорье можно заметить следующее. Наиболее ранние типы шлемов представлены лчашенскими, которые имеют сходство с хеттскими (XIV—XIII вв. до н. э.), хотя и по деталям отличаются от них, что доказывает их местное происхождение. К указанному типу шлемов относятся и раннеурартские, которые также аналогичны хеттским, однако выявляют более близкие связи с лчашенскими шлемами второго варианта.

С VIII в. до н. э. вооружение племен Армянского нагорья становится близким к ассирийскому и через их посредство проникает на север, о чем свидетельствуют шлемы из Триалети, Абхазии, Фаскау, Верхняя Рутха и Ручи-Тига. Наряду с бронзовыми шлемами, по всей вероятности, использовались и войлочные или кожаные шлемы, а также налобные пластины (диадемы), которые использовались для закрепления волос, играя одновременно роль защитного снаряжения. Таким образом, с середины II тысячелетия до н. э. племена Армянского нагорья, испытывая влияние могущественного хеттского государства, одновременно имели тесные культурные связи также с Ассирией. Рассматривая оружие второй половины II

тысячелетия до н. э. (мечи), можно заметить, что Армянские нагорье, кроме указанных связей, имело связи также с Эгейским миром (рапиры) и с Луристаном (мечи с вильчатой рукоятью). Ранние формы щитов и способов их применения свидетельствуют о том, что еще сохраняются пережитки родовых методов ведения боя. Раннеурартские щиты свидетельствуют о двух способах ведения боя.

*Первый способ* — когда указанные щиты использовались как защитное вооружение от оружия ближнего боя (кинжалы, мечи, колья), когда в рукопашной схватке, требовавшей быстроты движений, щит непосредственно подставлялся под удар. Для защиты от дальнего удара стрелой подобный щит не мог играть эффективной роли из-за малых размеров (приблизительно 40 см, в 4,3 раза меньше роста воина).

*Второй способ.* Малый размер и держание щитов хеттских и урартских кистью говорит о том, что в рассматриваемую эпоху государства, уже имея армии с боевым порядком, все же сохраняли родовые обычаи ведения боя, когда каждый воин, хотя уже и в строю, действовал при схватках почти в одиночку, не выступая еще вместе с другими плотной стеной.

С появлением урартского государства организуется регулярная армия, причем происходит четкое разграничение тяжелой и легкой пехоты. Появляются ряды тяжеловооруженных панцирных воинов и щитоносцев, образующих плотную стену, за которой действовали легковооруженные пехотинцы. Подобное разграничение имела и ассирийская армия, причем вся ее сила состояла в том, что эти два вида пехоты были слиты воедино<sup>62</sup>. О существовании тяжелой и легкой пехоты в урартской армии сообщают также письменные источники. Так, в тексте ассирийского царя Саргона II об армии Русы I говорится следующее: «...не страшился множества войск его, презирал его коней, многочисленность его панцирных воинов не удостоил я взгляда»<sup>63</sup>. В бою урартская армия действовала боевыми рядами—шеренгами. Тот же Саргон пишет: «260 человек семени его царского рода, его доверенных лиц, его областеначальников, его конников захватил я в свои руки и *рассеял боевые ряды*<sup>64</sup> (курсив наш.— С. Е.). Построение урартской армии нам не известно, однако в эту эпоху в ассирийской армии, с которой у урартов было много общего, имелся следующий боевой порядок: пехота строилась обычно в три шеренги, лучники сражались или впереди, под прикрытием щитоносцев, или же в задней шеренге. В последнем случае первые две шеренги копьеносцев нагибались или становились на колени, чтобы лучники могли через них стрелять<sup>65</sup>. Движение в строю щитоносцев известно нам по изображению на вышеуказанном степанаванском поясе и артикской печати. По всей веро-

<sup>62</sup> Б. Б. Петровский, Военное дело (в древнем Двуречье), «Очерки по истории техники древнего Востока», 1940, стр. 116—118.

<sup>63</sup> И. М. Дьяконов, АВИИУ, § 49 (125 и сл.).

<sup>64</sup> Там же.

<sup>65</sup> Е. А. Разин, Из истории военного искусства, стр. 63; Marcel Dieulafoy l'Asie-Mineure, Paris, 1890, табл. 65.

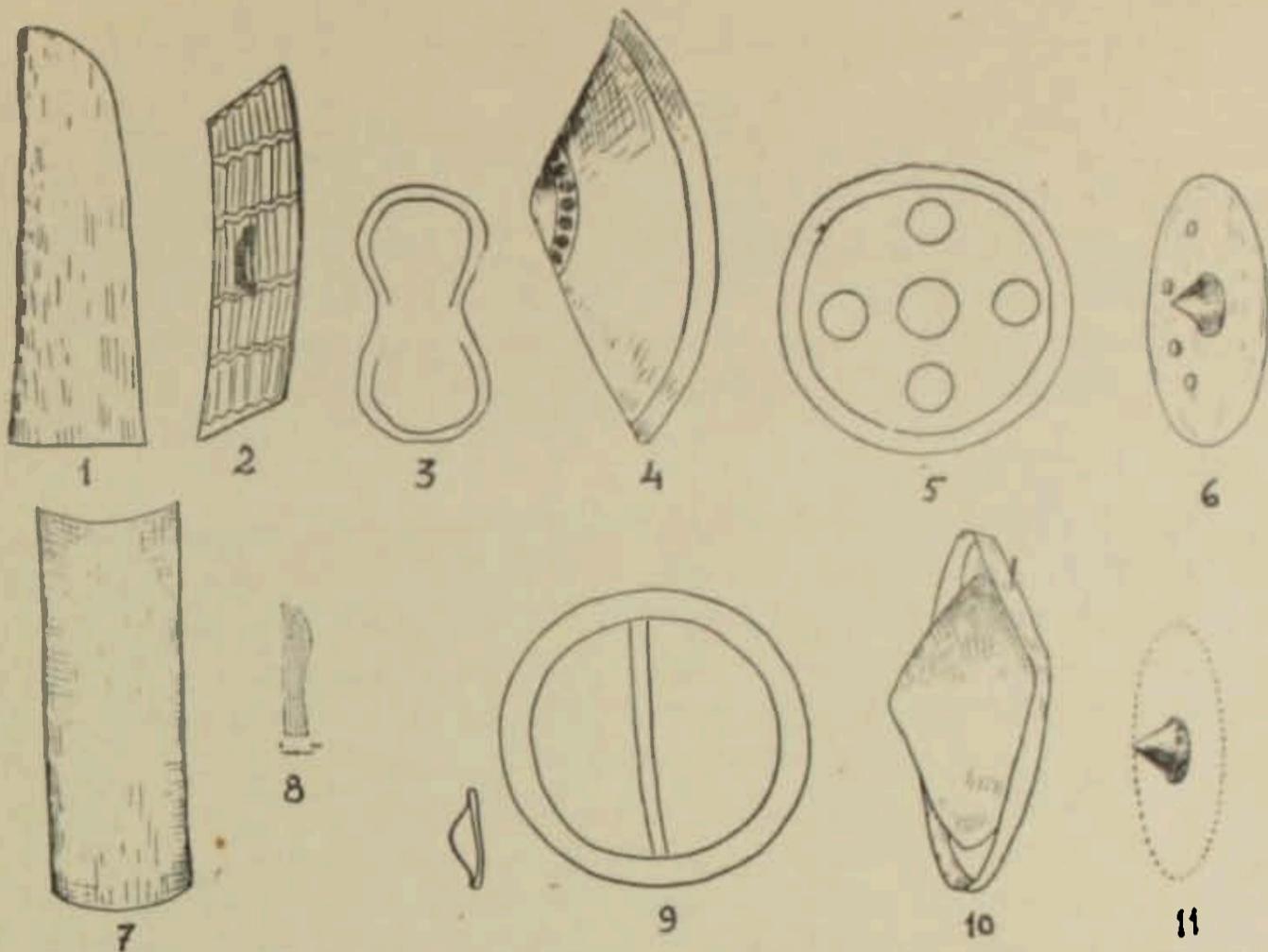


Таблица I

1,2,4,5) Ассирийские щиты при Саманасаре III (X в. до н. э.); 3) Хеттский щит IX в. до н. э. («Зенджирли»); 6) Щит из Кирпа, второй архаичный период; 7) Щит из Артика XII—X вв. до н. э. (на печати); 8) Щит из Степанавана X в. до н. э. (на поясе); 9) Урартский щит IX в. до н. э. (Балаватские ворота); 10—11) Урартские щиты VIII в. до н. э. (Кармир-блур)

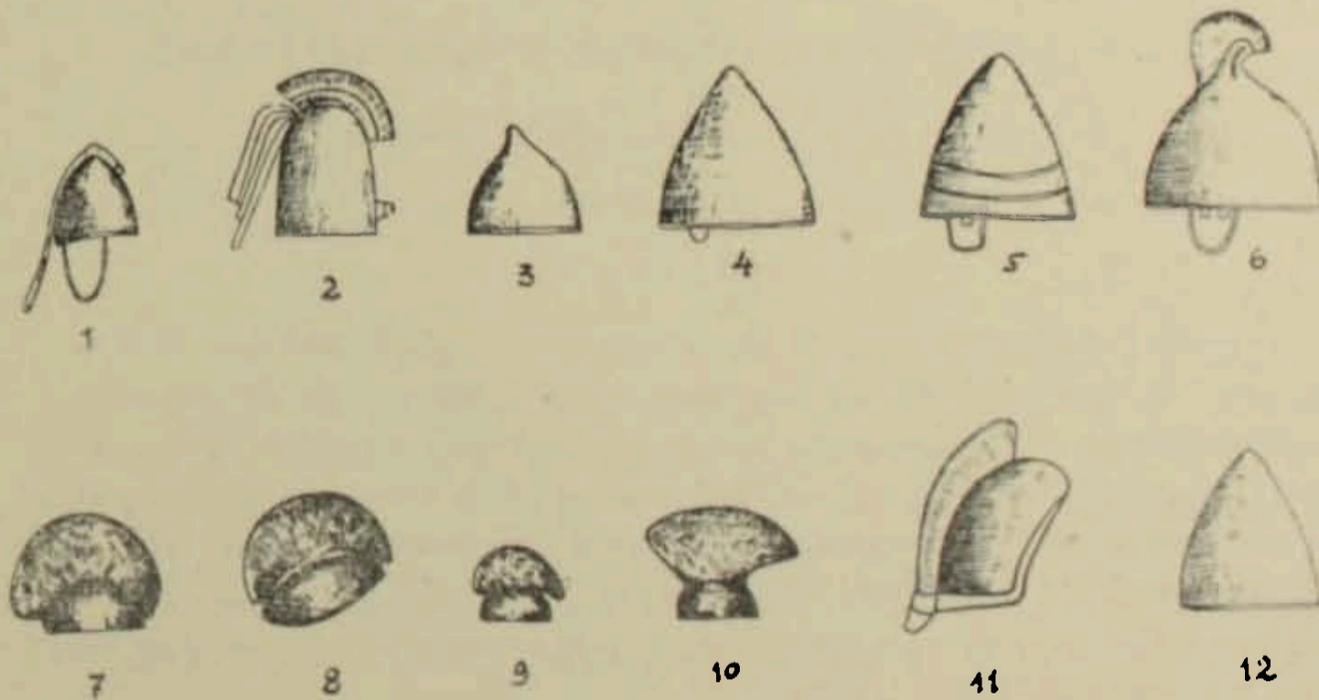


Таблица II.

1) Шлем хеттский XIV в. до н. э. (Богазкей); 2) Шлем хеттский VIII в. до н. э. (Каракамыш); 3) Шлем северосирийский IX—VIII вв. до н. э. («Зенджирли»); 4) Шлем урартский VIII—VII вв. до н. э. (Кармир-блур); 5—6) Шлемы ассирийские VIII—VII вв. до н. э.; 7—10) Шлемы из Лчашена XII—XI вв. до н. э.; 11) Шлем урартский IX в. до н. э.; 12) Шлем ассирийский X в. до н. э.

ятности, основной единицей урартской пехоты была десятичная организация (тысячи, сотни, десятки)<sup>66</sup>. Основой деления ассирийской пехоты также была десятка<sup>67</sup>. В связи с этим интересное изображение имеется на одном рельефе Салманасара, где показаны две движущиеся шеренги вооруженных копьями щитосцев в гребенчатых и конических шлемах. На заднем плане показаны разрозненные воины и в центре фигура воина с размахивающими руками, очевидно подающего команду построения. Два воина уже встали в строй; остальные, стоя на одном колене, перевязывают обувь. В каждой шеренге движется по десять воинов<sup>68</sup>. Об организации урартской пехоты имеется чрезвычайно интересное сообщение с разведывательным донесением ассирийского агента Ашшурисуа царю Саргону II: «...3000 пехотинцев, *десятников* и начальников саперов Сетину, урартского областеначальника, что напротив меня выступили на Муссасир и переправились через Черную реку»<sup>69</sup>. Как видно из приведенного выше текста, в урартской армии также существовала десятичная система — десятичники. Таким образом, урарты, создав государство в конце IX в., переняв высокую военную технику у ассирийцев и приспособив ее к своим условиям, создали замечательную армию, отличавшуюся физической выносливостью (способную совершать марши на многие сотни километров) и высокими моральными качествами. Благодаря экономическому могуществу и организованной армии урарты в IX—VIII вв. до н. э. сумели собрать под своей эгидой почти все племена Армянского нагорья (дружины которых имели почти такое же вооружение, но не имели государственной организации), организовав первое в истории нашей Родины государство.

## ՀԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊԱՇՏՊԱՆԱԿԱՆ ՍՊԱՌԱԶՆՆԵՐԻ ԹՅՈՒՆՆԵՐ

(Վահաններ, սաղավադներ, զրահներ)

Ս. Ա. ԵՍԱՅԱՆ

(Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ)

*Նյութնան նուտուրալի և կերպարվեստի հուշարձանները պարունանում են ուղմական գործին վերաբերող բազմազան նյութեր: Հին Հայաստանում ևս առհմատիրական հասարակարգի քայքայման, խոշոր ցեղային միավորների ու դասակարգային հարաբերությունների առաջացման հետևանքով արագանում է ուղմական գործի զարգացումը: Հայկական բարձրավանդակում առ պրոցեսին օժանդակել է նաև Փոքր և Առաջավոր Ասիայի հզոր պետությունների հարևանությունը, որը զգալիորեն ազդել է այստեղ բնակվող ցեղերի ուղմական կուլտուրայի վրա:*

<sup>66</sup> А. А. Строков, История военного искусства, стр. 6.

<sup>67</sup> Е. А. Разин, указ. соч., стр. 60.

<sup>68</sup> Archibald Paterson B. D., Assyrian Sculptures palace of Sinacherib, табл. 7.

<sup>69</sup> И. М. Дьяконов, АВИИУ, § 50 (3 и сл.).

Ստեփանավանում գտնված դոսուս և Արթրկում գտնված կնիքի վրա քանդակված Հնագույն (XI—IX դդ. մ. թ. ա.) վաճանները շաղկապվում են ասորականների հետ: Թեպետ բրենց արարին ձևով վաղ ուրարտական վաճանները համանման են ասորականներին, սակայն օգտագործման ձևով մոտ են խեթականներին:

Հնագույն սաղափարտները՝ հայտնաբերված Էճաշենի ոսղմակաոքի մոդելների վրայի զինվորների արձանիկների գլուխներին (XIII դ. մ. թ. ա.), մոտ են խեթականներին (XIV դ. մ. թ. ա.), սակայն մի շարք մանրամասնություններ ապացուցում են դրանց տեղական ծագումը: Վաղ ուրարտական սաղափարտները նման են խեթական և Էճաշենի սաղափարտներին: Սկսած մ. թ. ա. VIII դ. Հայկազան բարձրավանդակի ցեղերի սպառազինությունը սոտենում է ասորականին և այդ ցեղերի միջոցով թափանցում դեպի հյուսիս. այդ սասիս են վկայում Վրոստանում, Արխաղիսյում, Հյուսիսային Կովկասում գտնված VIII դ. ասորա-ուրարտական տիպի սաղափարտները:

Հրն Հայաստանում օգտագործվել են երկու տիպի դրահներ, դրանցից առաջինը կարված է գտորից կամ կաշվից, որի վրա ամրացված են կոճակներ ու բրոնզյա կլոր թիթեղիկներ: Երանք օգտագործվել են սկսած վաղ բրոնզյա դարից: Առաջին հազարամյակի վերջից առաջանում է երկրորդ տեսակի՝ թեփուկաձև բարդ դրահը, որը օգտագործվել է բարձր խավերում: